ВАГРАМ ПЕГРОСЯН

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ТУРЦИИ В МОСУЛЬСКОМ ВОПРОСЕ

За богатый нефтью Мосульский вилайет (северный Ирак) Османской империи шла острая борьба, в которую были вовлечены, с одной стороны, Англия, с другой—Германия, Россия, Франция, Бельгия, Голландия, США. С одними из них Англия разобралась во время войны, с другими договорилась. Но самой острой была англо-турецкая борьба за Мосульский вилайет (1918—1926). Как в турецкой, советской (российской), так и в западной историографии отмечается: «Англия захватила Мосул (или Мосульский вилайет) уже после Мудросского перемирия от 30-го октября 1918 года»¹, а также: «Мосул был занят английскими войсками в ноябре 1918 г., уже после подписания Мудросского перемирия и, следовательно, в нарушение его условий»². Но дело в том, что Мосульский вилайет, который был захвачен турками в XVI веке, состоял из санджаков (областей) Мосул, Киркук и Сулеймание (позднее из состава Киркука в отдельный санджак выделился и Эрбиль)³. И после Мудросского перемирия англичанами был захвачен не весь Мосульский вилайет, а лишь Мосульский санджак⁴. Но турки требовали возвратить не Мосульский санджак, а весь Мосульский вилайет. Мосульский же санджак был захвачен англичанами, хотя и после Мудросского перемирия, но на основании 7-й статьи Мудросского перемирия⁵.

В англо-турецкую борьбу за Мосул были втянуты также народы оккупированного Ирака—арабы, курды, ассирийцы и туркоманы. Косвенным образом вопрос о будущей судьбе богатейшего Мосульского вилайета живо волновал правительство США и Франции. С последними Англия отделилась обещаниями и уступками. Но «по своему географическому положению Мосул затрагивал также интересы безопасности соседних с Турцией и Ираком стран—Советской России (в дальнейшем СССР) и Ирана»⁶.

Севрский договор включил весь бывший Мосульский вилайет в подмандатный Англии Ирак (статья 27). Однако Севрский договор предусматривал также «местную автономию для тех областей, в которых преобладает курдский элемент и которые расположены к востоку от Евфрата, к югу от южной границы Армении, как она может быть определена впоследствии, и к северу от границы Турции с Сирией и Месопотамией...» (статья 62).

В дальнейшем предусматривалось создание независимого курдского государства, «если в течение годичного срока со вступления в силу настоящего (Севрского.—В. П.) договора курдское население указанных в статье 62 областей обратится в Совет Лиги Наций, указывая, что большинство населения в этих областях желает быть независимым от Турции, если Совет найдет тогда, что это население способно к этой независимости и, если он предложит предоставить ему ее», а Турция заранее обязывалась «сообразоваться с этим предложением и отказаться от всяких прав на эти области». Более того, предусматривалось, что «если названный отказ будет иметь место, и тогда, когда он будет иметь место, никаких возражений не будет выдвинуто со стороны Главных Союзных Держав против добровольного присоединения к этому независимому курдскому государству курдов, живущих в той части Курдистана, которая до настоящего времени входит (к моменту подписания Севрского договора входила.—В. П.) в Мосульский вилайет»⁷ (статья 67). Но Севрский договор был отвергнут кемалистским движением. В дальнейшем сама Англия пересмотрела свои планы создания независимого курдского государства. Между тем с 23 августа 1921 г., дня коронации Фейсала, Ирак стал подвластным Англии королевством⁸. Мосул остался в составе подмандатного Англии королевства Ирак⁹. На Лозаннской конференции было решено: «Граница между Турцией и Ираком будет полюбовно определена между Турцией и Великобританией в девятимесячный срок. При отсутствии согласия между обоими правительствами в предусмотренный срок спор будет внесен в Совет Лиги Наций»¹⁰. Как и ожидалось, непосредственные англо-турецкие переговоры не дали никаких результатов. В дальнейшем вопрос о Мосуле неоднократно обсуждался Лигой Наций и Гаагским Трибуналом. 16 декабря 1925 года Лига Наций приняла решение отдать Мосульский вилайет Англии и подмандатному Ираку. Поначалу Турция не приняла этого решения. Но в конце концов под давлением Англии и дру-

гнх держав Турция вынуждена была отступить и подписала 5 июня 1926 года англо-ирако-турецкий договор. Турция соглашалась уступить Мосульский вилайет, а взамен Ирак брал обязательство выплачивать 10% своих будущих доходов от Турецкой нефтяной компании (ТРС).

В данной статье мы намерены обсудить лишь те причины, которые привели корабль турецкой дипломатии к проигрышной гавани в Мосульском вопросе.

1. В течение всего англо-турецкого спора вокруг мосульской проблемы весомую и эффективную роль для британской дипломатии играло то обстоятельство, что весь Мосульский вилайет уже находился под английской оккупацией и контролировался ими же. Более того, большая часть Мосульского вилайета (около 2/3) была захвачена англичанами еще до Мудросского перемирия, а Мосульский санджак Мосульского вилайета с одноименным городом хотя и был занят англичанами уже после Мудросского перемирия, но на основании 7-й статьи последнего. Но более важным было то, что имея контроль над всем Мосульским вилайетом, Британия вела политику свершившегося факта.

2. Значительная, в некотором смысле предрешающая уступка, которая предопределила дальнейшую борьбу, была сделана Турцией на Лозаннской конференции 1922—1923 гг.¹¹ Соглашаясь с тем, что в случае безрезультатности англо-турецких непосредственных переговоров в течение девяти месяцев Мосульский вопрос должен быть поставлен на обсуждение Лиги Наций, Турция допустила большую дипломатическую ошибку. Отныне Англия стремилась бы тянуть время и переговоры, чтобы выиграть время, и после этих девяти месяцев поставить Мосульский вопрос на обсуждение Лиги Наций, где он должен был быть решен в пользу Великобритании. Как бы не стремились быть объективными Совет Лиги Наций и созданные им комиссии, в послевоенном мире и в Совете Лиги Наций влияние Англии было велико, а Турция не была даже членом Лиги Наций. Британия была самым влиятельным членом Лиги Наций и постоянным членом Совета Лиги Наций. Не нужно забывать и то обстоятельство, что организация Лиги Наций была создана после первой мировой войны державами-победителями. И в ней де-факто были зафиксированы особые юридические права и полномочия и существенное политическое влияние великих держав¹². Правда, лозаннское поражение Турции в Мосульском вопросе не было оконча-

тельным, и было бы неправильно полагать, что будто бы после Лозанны обсуждение Мосульского вопроса носило лишь формальный характер.

3. В течение всей Мосульской проблемы значительную роль играло то обстоятельство, что все немусульмане (ассирийцы, армяне, евреи) были против уступки и передачи Турции Мосульского вилайета или какой-либо его части. Более того, ассирийцы прослужили британским интересам до конца, став лишь маленькой жертвой в победоносной игре Англии¹³. Ассирийцы стали проигравшими среди победителей.

4. Не оправдались надежды Турции использовать межимпериалистические противоречия в рамках данного конфликта. Как бы ни были глубоки англо-французские и англо-американские противоречия, английская дипломатия смогла прийти к соглашению с Францией и США, более того, стопроцентно смогла использовать Францию в Мосульском вопросе. Начиная с Лозаннской конференции и особенно на решающем этапе конфликта Англия воспользовалась зависимостью французской дипломатии от британской в европейских и ближневосточных делах, используя также появившиеся серьезные осложнения во франко-турецких отношениях.

5. Англии также удалось обеспечить международную изоляцию Турции. Единственным «другом»¹⁴ Турции в данной борьбе был Советский Союз, к которому Турция, однако, питала недоверие, считая Советский Союз своим «единственным другом и самым опасным врагом». В период кемалистского движения Турции удалось получить безвозмездную и бескорыстную помощь от Советов, без всяких условий. Но Турция боялась чрезмерно привязаться к России, что могло лишить ее возможности маневрировать. Турция стремилась противопоставить Советам чашу весов Запада, получив таким образом возможность ведения политики баласа между двумя полюсами. Одновременно в стремлениях Советов улучшить свои отношения с Западом Турция видела опасность реставрации англо-русской антитурецкой Антанты. Турция не смогла максимально использовать в Мосульском вопросе советскую карту и подписанный 17 декабря 1925 г. в Париже советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете¹⁵. Очень скоро выяснилось, что назумевший данный договор был всего лишь удачным дипломатическим шагом, который скорее должен был поднять авторитет турецкого правительства в глазах собственного

народа и заставить забыть неприемлемое для Турции декабрьское решение Лиги Наций, и вызвал лишь короткий, непродолжительный переполох на Западе. Сам Кемаль не спешил предпринять более решительные шаги в русско-турецких отношениях и при случае давал понять Западу, что советская модель его не привлекает и что он не собирается продлевать сроки действия вышеупомянутого договора. Советский Союз также в разных странах на уровнях чрезвычайных и полномочных послов объявил, что Советское правительство не намерено вмешиваться в мосульские дебаты, что желает англо-турецким переговорам удачного завершения и что в советско-турецких договорах и между Россией и Турцией не существует каких-либо договорных обязательств, которые обязали бы Россию поддержать последнюю в случае возникновения осложнений в Мосульском вопросе. Одновременно Советы дали понять Западу, что страна «чрезмерно занята сложными внутренними проблемами, чтобы позволить себе включиться во внешнеполитический спор»¹⁶. Таким образом, Турция не смогла заработать политических дивидендов от советско-турецкого договора (от 17 декабря 1925 г.).

6. Великобритания смогла оказать давление на Турцию в Мосульском вопросе с помощью Греции, Болгарии, Румынии и особенно фашистской Италии. Готовность последней пачать военные действия против Турции сыграла весомую роль в Турции на последнем этапе Мосульского вопроса.

7. Вспыхнувшее в феврале 1925 года в юго-восточных вилайетах Турции курдское восстание под предводительством шейха Саида, которое с большими усилиями было жестоко подавлено турецким правительством, также серьезно ослабило позиции Турции в Мосульском вопросе. Если до этого турецкая сторона утверждала, что турки и курды родственные (туранские) народы, с одинаковым вероисповеданием, что курды те же самые турки, что Турция с турками также страна курдов, что курды не только имеют своих депутатов в Великом национальном собрании Турции, но и полностью довольны своей жизнью в Турции, то теперь «выяснилось», что турки и курды в этническом и языковом смысле не только разные народы, но и то, что курды отнюдь не довольны своей жизнью в Турции и по меньшей мере стремятся к самоопределению и самостоятельности, суверенитету, вплоть до создания независимого государства вне состава Турции¹⁷. Следовательно, становилось бессмыс-

ленным, чтобы в данных условиях Турции была бы передана территория с превосходящим курдским населением—Мосульский вилайет. В данном вопросе свою определенную роль сыграл и сам факт жестокого подавления восстания.

8. В поражении Турции в Мосульском вопросе значительную роль сыграло тяжелое финансово-экономическое положение страны¹⁸, что особенно обострилось после восстания шейха Саида. Однако не нужно также переоценивать роль данного фактора.

9. Хотя в данном вопросе право принятия окончательного решения, не подлежавшего обжалованию, принадлежало Кемалю, по в принятии такого решения сказалось влияние уже значительно усилившихся «западников» (Хасан-бей, Сараджоглу, Шюкрю Кая и др.). Они преувеличивали размеры предстоящей прибыли от доли участия в разработке мосульской нефти, уверяли, что урегулирование спора с Англией вызовет приток иностранных капиталов и расчистит путь для вступления Турции в Лигу Наций, с которой также связывались расчеты на получение кредитов¹⁹.

10. Турция связывала уступку в Мосульском вопросе с возможной перспективой стать членом Лиги Наций, с помощью которой она стремилась обеспечить в первую очередь нерушимость своих границ в будущем. Англия отказалась подписать с Турцией договор о ненападении и взаимопомощи. Лондон также не хотел связывать себя обременяющими договорами, в которых он обязывался бы гарантировать и сохранять территориальную целостность Турции в будущем. Несмотря на все усилия Анкары, Лондон не пошел на уступки в этом вопросе, но одновременно дал понять турецкой стороне и убедил последнюю, что всего этого она может добиться, став членом Лиги Наций, и что все гарантии территориальной целостности Турции (против агрессии любого государства, в том числе и Италии, а также против любых изменений турецко-иракской границы в ущерб Турции) турецкая сторона сможет получить в первую очередь от Лиги Наций.

11. Позиции Турции значительно ослабил и факт организации резни христиан (в основном ассирийцев) в самый критический момент разрешения конфликта. Правда, британская общественность стала уже равнодушной к подобной резне²⁰, но британская дипломатия максимально использовала данный факт. Арабский автор Абид аль-Мараяти отмечает, что «многие историки придерживаются мнения, что турецкие действия против христиан имели определенное

влияние на Лигу Наций в деле принятия окончательного решения последней»²¹.

12. Значительную роль сыграло и то обстоятельство, что в самый решающий момент Турция стала светским государством и лишилась как возможной поддержки от мусульманского мира, так и возможности опираться на «своих» курдов. Может показаться, что мы переоцениваем роль Мосульского фактора в становлении Турции светским государством. Но этот тезис выдвигается турецкими авторами Омером Кюркчюоглу²², Мимом Кемалом Оке, и мы полностью разделяем их мнение. Турецкие авторы цитируют слова шейха Саида: «Ислам был соединяющим звеном между турками и курдами. И так как турки сами оборвали этот узел, курды имеют всякие права думать о своей собственной судьбе»²³. Но если турецкие историки считают, что «данное обозрение событий, кажется, сыграло важную роль в деле восстания шейха Саида», то на наш взгляд, восстание шейха Саида, имевшее целью создание независимого курдского государства, должно было начаться независимо от того, стала ли Турция светским государством или нет, так как восстание шейха Саида было не религиозным движением, не борьбой за веру, а скорее всего национальным движением, где шейхом Саидом был использован религиозный фактор и поворот Турции в сторону светского государства. Следовательно, принимая тот очевидный факт, что «мусульмане-курды составляли большинство в Мосуле», более того—значительное большинство, и что «с упразднением Халифата турецкие требования к Мосулу стремительно ослабли», все же позволим себе не согласиться с мнением видного турецкого историка О. Кюркчюоглу, что «курды не так уж и стремились к национальной идее», также поставив под вопрос правильность мнения, что «курды Мосула предпочитали Ираку Турции по причине своих исламских чувств и той лояльности, которую они чувствовали по отношению к халифу»²⁴. Во-первых, Ирак тоже до этого был мусульманской страной и еще под вопросом то, кому давали предпочтение курды и решали ли они вообще кому-либо давать предпочтение или же стремились к самоопределению. Но фактом является то, что «время, выбранное для упразднения Халифата, явилось смертельным и смертоносным для мосульских требований Турции». И не зря один британский чиновник, услышав о решении Турции упразднить Халифат, сказал: «Турки отрубили под собой сук, на котором сидели. Это невероятно счастливый случай

для Англии»²⁵. Однако, почему Мустафа Кемаль в своих отношениях с Британией отказался от исламского фактора именно в решающий момент, когда не был еще решен Мосульский вопрос. а. Пытаясь ответить на данный вопрос, Омер Кюркчюоглу пишет: «Упразднив Халифат в то время, когда еще шли переговоры вокруг Мосула, М. Кемаль либо не смог предвидеть тот удар, который наносился этим по переговорному процессу и его результатам, либо считал, что оно (упразднение Халифата.—В. П.) будет полезным и эффективным для обсуждений. Последнее можно объяснить следующим образом: если Турция возьмет Мосул, то это будет снова вход в арабский мир. Мосул занимает важное стратегическое положение. Это же было причиной заинтересованности Англии. Именно поэтому, сразу же после того, оборвав узел с мусульманским миром, он должен был задумать направить послание. Суть этого послания была бы следующей: хотя и узел Халифата был в прошлом эффективным фактором против Англии, Турция, уничтожая это соединяющее звено, односторонним образом стремится продемонстрировать, что ее заинтересованность и проявленный интерес ею к Мосулу не имеют цели вновь войти в арабский мир или использовать ислам против Англии, а имеют совсем другие цели. Вот почему Мустафа Кемаль-паша перешел к действиям именно в этот момент»²⁶.

б. Упразднив Халифат в тот момент, когда еще шли переговоры вокруг Мосула, Турция, возможно, стремилась поссорить друг с другом Англию, Францию и Италию и устранить тот единый фронт, существующий против Турции. Не нужно забывать, что все великие колониальные державы перешли к действию, и каждая из этих держав стремилась воспользоваться создавшейся ситуацией, возможностью, чтобы поставить Халифат под свое влияние. Известный французский писатель Клод Фаррер, который встречался и говорил с Мустафой Кемалем, пригласил свергнутого с престола последнего халифа Абдула Меджида во Францию, имея целью перевести Халифат в зону французского влияния. Англия и Франция обсуждали не только вариант возвращения Абдулу Меджиду титула халифа и дальнейшие перспективы превращения его в свою марионетку, но и другие варианты с самыми разными кандидатурами. В частности, в повестке дня стояли кандидатуры Шерифа Мекки Гусейна, короля Египета Фуада и султана Марокко. Не осталась вне игры и Италия, которая стремилась превратить Абдула Меджида в марионетку или же возвести на

престол халифа такого «исламского Папу, который знал бы и понимал латинскую цивилизацию и обосновался бы в Италии»²⁷. в. Возможно, что М. Кемаль предвидел этим своим шагом опасность для Британии. Хотя и Великобритания в упразднении Халифата видела в основном серьезный удар по мусульманским группам и движениям сопротивления в колониях, некоторые британские газеты выразили то мнение, что решение Анкары об упразднении Халифата может поднять негативную реакцию против Лондона. Согласно этому мнению, неосведомленные массы колоний должны были, сомневаясь и подозревая, предполагать английский заговор и «английскую руку» в данном решении Анкары, точно так же, как, по их мнению, было во время восстания Шерифа Гусейна в 1916 г. Следовательно, они должны были готовиться к резкому противодействию, выражая свою ненависть и протест против вмешательства христианских держав в дела священного для мусульман института Халифата. г. Возможно, Кемаль считал, что мусульманский фактор, как бы он не был важен в Мусульском вопросе, начиная с Лозанны, не дает никакого результата. Не надо забывать также тот факт, что мусульманский мир разделился в связи с Мусульским вопросом: арабский мир в основном был, разумеется, на стороне Ирака²⁸. Так что нельзя сказать, что упраздняя Халифат, М. Кемаль лишился поддержки всего мусульманского мира. Более того, возможно, М. Кемаль старался именно сеять вражду в поддерживающем Ирак арабском мире, многие лидеры государств которых, соперничая друг с другом и с отцом короля Ирака Фейсала—Шерифом Мекки Гусейном, сами стремились занять место халифа. Кроме того, Кемаль может быть, понял то, что понял последний халиф Абдул Меджид—несколько расколот мусульманский мир, который решал, признат ли последнего халифом или нет. Следовательно, Кемаль, возможно, стремился спровоцировать борьбу за халифатский престол, что в свою очередь вызвало бы волнения и дестабилизацию в колониях²⁹, ослабляя прежде всего позиции Англии и Франции. д. Упразднение Халифата М. Кемаль считал безотлагательным шагом, не имеющим альтернативы, и надеялся, что даже после данного шага, те силы, которые помогли Турции в Мусульском вопросе, продолжат это и впредь. Так, например, «даже после того, как Турция упразднила Халифат, юго-азиатские мусульмане (в прошлом только мусульмане Индии, теперь же Индии и Пакистана.—В. П.) продолжили свою поддерж-

ку Турции на международной арене. В Мосульском вопросе они поддерживали турецкую позицию. На общендийской конференции Мусульманской Лиги, которая состоялась в декабре 1925 г. в Алигархе, они осудили британские планы, попытки и стремления отнять Мосул у Турции. Так со всей строгостью был осужден доклад Лиги Наций о Мосуле и было выдвинуто требование Англии возвратить эту территорию Турции. Явно резко оспаривая владение Мосулом, юго-азиатские мусульмане дали ясно понять Англии, что в случае вооруженного конфликта между Турцией и Англией их противодействие будет очень сильным и твердым. Оно даже может выйти из-под контроля и сбросить британскую администрацию в целый ряд катастроф. Это официальное заявление было внесено в протокол текста конференции как решение номер пять»⁸⁰.

В любом случае решение об упразднении Халифата действительно явилось смертельным и смертоносным ударом по турецким требованиям к Мосулу. Кроме этого, как писали французские газеты, оно успокоило национальные движения в Северной Африке⁸¹.

Кюркююглу пишет: «Англия, действительно была довольна заметить, что Турция отделяется от своих прежних тесных связей с исламским миром. Это означает безопасность для целого ряда районов, имеющих критическое значение для существования Англии. Кроме того, что Англия была намерена еще больше увеличить безопасность для себя, Англия была тверда в решении не отдавать Мосул туркам»⁸². А посол Великобритании в Турции сэр Рональд Линдсей в свою очередь отмечал: «Светская Турция со своими мусульманами отныне не является каким-либо источником опасности для Британской империи». Одновременно, посол отмечал, что Великобритания сможет извлечь определенную выгоду от тесных отношений с Турцией»⁸³.

13. В победе британской дипломатии значительную роль сыграл доклад Первой Мосульской комиссии⁸⁴, т.н. Комиссии Трех, который во многом является результатом тонкой британской дипломатии. Британским экспертам полностью удалось показать вопрос с выгодной им стороны, устранив козыри турецкой стороны.

14. В проигрыше Турции свою роль сыграла и турецкая политика неучастия, ухода от сотрудничества с институтами, в объективности которых она сомневалась. Но такая политика значительно ограничила возможности турецкой дипломатии. Турция отказалась принять участие в обсуж-

днях Постоянной палаты Международного суда, она также отказалась допустить возглавляемую эстонским генералом Лайдонэром Вторую Мосульскую комиссию Лиги Наций на свою территорию, т.е. на территорию севернее Брюссельской Линии. В итоге 21 ноября 1925 г. Постоянная Палата Международного суда высказала мнение, неблагоприятное для Турции, а в докладе комиссии Лайдонэра подтверждался тот факт, что Турция ведет жесткую политику по отношению к христианам. 8 декабря 1925 г. Лига Наций, несмотря на сопротивление и противодействие турецкой стороны, официально приняла консультативное мнение Международного суда. Турция перестала участвовать в работах Лиги Наций по Мосульской проблеме, и уже в отсутствие турецкой делегации Лига Наций заслушала доклад Второй Мосульской комиссии. В Лиге Наций усиливались антитурецкие настроения, ситуация накалялась еще и потому, что в турецкой прессе продолжали появляться статьи, наполненные ненавистью, враждебностью и презрением не только к Великобритании, но также и к Лиге Наций. 16 декабря 1925 года Совет Лиги Наций принял официальную резолюцию, что вся территория к югу от Брюссельской Линии принадлежит Ираку⁸⁵.

15. Излагая причины потери Турцией Мосула, нельзя не отметить тот факт, что статьи 12-17 статута Лиги Наций⁸⁶ ставили Турцию в почти безвыходное положение, а международное право усиливало позиции Британии и, на наш взгляд, не оставляло Турции другой альтернативы, кроме как уступить в Мосульском вопросе.

Что же касается внесения вопроса на обсуждение Международного Гаагского суда, то нужно также отметить, что турецкая сторона не смогла максимально использовать мнение профессора юридического факультета Парижского университета Метра Гиделя. А между тем Метр Гидель был целиком против решения Международного суда, пусть даже носившего консультативный характер. Министр иностранных дел Турции Тевфик Рушди-бей лишь процитировал отрывки из заключения Метра Гиделя во время обсуждений Совета Лиги Наций от 8 декабря⁸⁷, между тем, как отмечал посол Великобритании в Турции Рональд Линдсей, «эти аргументы должны были излагаться как раз перед судом, так как турецкое правительство было приглашено это сделать. И если они предпочли не защищать свою позицию, они также потеряли свое право обжаловать это решение»⁸⁸. На это Тевфик Рушди-бей ответил, что «он не

мог встать перед Гаагским судом (Трибуналом), так как поступая таким образом, он поставил бы под сомнение правильность позиции своего правительства»³⁹.

16. С юридической точки зрения и в вопросах международных договоров позиции Великобритании также были очень сильны и прочны. Исходя из обязательств, которые в Иракском вопросе брала на себя Великобритания перед Лигой Наций, как изложено в решении Лиги Наций от 27 декабря 1924 года, и согласно новому англо-иракскому договору от 13 января 1926 года, который был утвержден Советом Лиги Наций 11 марта 1926 года, прежде чем какая-либо территория, включенная к этому моменту в состав Ирака, была бы передана Турции, нужно было получить санкцию Совета Лиги Наций. Англо-иракский договор 1922 года также предусматривал (статья 8-я), что никакая часть территорий, включенных в состав Ирака, не может быть уступлена, сдана в аренду или в какой-нибудь другой форме поставлена под контроль какого-либо зарубежного государства. В четвертом параграфе, принятом 27 сентября 1924 года Лигой Наций Британских обязательств, также предусматривалось, что Великобритания не согласится ни на какие изменения договора 1922 года без согласия Совета Лиги Наций. Англичанам было выгодно также то, что летом 1924 года, ратифицируя англо-иракский протокол 1923 года, иракское Учредительное Собрание включило в свою резолюцию приложение в виде оговорки: «Ратификация договора будет признана недействительной, если британское правительство не обеспечит права Ирака во всем Мосульском вилайете»⁴⁰. А Иракский мандат Великобритания получила от Лиги Наций. Совет же Лиги Наций (11 марта 1926 года) объявил Брюссельскую Линию (как было оно охарактеризовано в решении Совета Лиги Наций от 16 декабря 1925 года) как окончательную границу между Турцией и Ираком, откладывая на более поздний срок обсуждение тех шагов, которые должны были быть направлены на гарантии требуемой декларации.

У Турции в связи с этим была еще одна юридическая проблема. Еще 3 сентября 1924 года Совет Лиги Наций (в Женеве) «принял решение, в котором было запротоколировано, что обе стороны заранее обязуются принять то будущее решение, которое примет на этот (по Мосульскому вопросу.—В. П.) счет Совет Лиги Наций»⁴¹.

Остии Чемберлен пишет: «Но если Великобритания при любом удобном случае утверждала заново и обновляла

свои заверения, то Турция в лице министра иностранных дел Турции и сделанных им же 3, 4 и 19 сентября заявления в Совете Лиги Наций отошла от данных ею же в прошлом заверений о признании окончательного решения Совета Лиги Наций и избегала их обновления»⁴². И все же Турция не смогла избежать своих пусть даже слабо высказанных вышеуказанных обязательств, принятых ею на Лозаннской конференции и зафиксированных в заключительном акте (статья 3(2)) и в Женеве.

То есть, не являясь членом Лиги Наций, Турция брала на себя обязательства члена Лиги Наций для разрешения конфликта (это предусматривал и статут Лиги Наций, статья 17). И после вынесения решения Лигой Наций, если Турция не признавала этого решения и прибегала бы к военным действиям или нет, к ней была применена либо 16-я статья статута Лиги Наций, либо другие статьи. Если эти статьи не были применимы, Лига Наций должна была искать новые пути и средства для того, чтобы заставить Турцию принять эти решения. Другой стороной вопроса являлся факт игнорирования Лиги Наций и факт отступления от данных обязательств.

Статья статута Лиги Наций гласила: «В случае спора между двумя государствами, из которых лишь одно является членом Лиги Наций или из которых ни одно не входит в нее, государство или государства, посторонние Лиге, приглашаются подчиниться обязательствам, лежащим на ее членах в целях урегулирования спора, на условиях, признанных Советом справедливыми. Если это приглашение принимается, то применяются постановления статей 12-16, с соблюдением изменений, сочтенных Советом необходимыми...». Таким образом, на основании Лозаннского договора, а также решения Совета Лиги Наций, принятого в Женеве (30 сентября 1924 года), к Турции были применимы статьи 12-16 статута Лиги Наций, в которых говорилось о членах Лиги Наций.

Статья 12. «Все члены Лиги соглашаются, что если между ними возникнет спор, могущий повлечь за собой разрыв, то они подвергнут его либо третейскому разбирательству, либо рассмотрению Совета...».

Статья 13. Члены Лиги соглашаются, что если между ними возникнет спор, могущий, по их мнению, быть разрешенным третейским судом, и если этот спор не может быть удовлетворительно урегулирован дипломатическим путем, то вопрос полностью будет подвергнут третейскому разбира-

тельству (.....). Третьим судом, которому передается дело, является Суд, указанный Сторонами или предусмотренный в их предшествовавших соглашениях. Члены Лиги обязуются выполнять добросовестно вынесенные решения и не прибегать к войне против члена Лиги, который будет с ними сотрудничать. В случае невыполнения решения Совет предлагает меры, которые должны обеспечить действие решения.

Статья 14. Совету поручается изготoвить проект Постоянной Палаты Международного Суда и представить его членам Лиги. Эта Палата будет ведать все споры международного характера, которые Стороны передадут ей. Она будет давать также консультативные заключения по всем спорам и по всем вопросам, которые будут внесены в нее Советом или Собранием.

Статья 15. Если между членами Лиги возникает спор, могущий повлечь за собой разрыв, и если этот спор не будет подвергнут третейскому разбирательству, предусмотренному в статье 13, то члены Лиги соглашаются представить его Совету. Для этого достаточно, чтобы один из них указал на этот спор Генеральному секретарю, который принимает все меры для полного расследования и рассмотрения.

В кратчайший срок Стороны должны сообщить ему изложение их дела со всеми относящимися сюда фактами и оправдательными документами (...) Совет предлагает усилия к тому, чтобы обеспечить урегулирование спора (...) Если спор не мог быть урегулирован, то Совет составляет и публикует доклад, принятый либо единогласно, либо большинством голосов, для осведомления об обстоятельствах спора, а также решения, предлагаемые им, как наиболее справедливые и наиболее подходящие к случаю (...) Если доклад Совета принят единогласно, причем голоса представителей Сторон не учитываются при установлении этого единогласия, то члены Лиги обязуются не прибегать к войне против всякой Стороны, которая сообразуется с выводами доклада...

Статья 16. Если член Лиги прибегает к войне, в противность обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15, то он ipso facto рассматривается как совершивший акт войны против всех других членoв Лиги. Последние обязуются порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего статyт, и прекратить все финансовые, торговые или личные сношения между гражда-

нами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно членом Лиги или нет.

В этом случае Совет обязан предложить различным заинтересованным правительствам тот численный состав военной морской или воздушной силы, посредством которого члены Лиги будут, по принадлежности, участвовать в вооруженных силах, предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги...»¹⁵.

Таким образом, у Турции не было выхода. Турция не могла прибегнуть к войне, так как к ней была бы примечима 16-я статья статута Лиги Наций. Она не могла выиграть в диспуте, который возник в связи с обращением Совета Лиги Наций в Постоянную Палату Международного суда (в Гааге); с аргументами, мол политический вопрос не может быть урегулирован юридическим путем, так как, на наш взгляд, согласно 13-й статье (она гласила, что «третейским судом, которому передается дело, является Суд, указанный Сторонами или предусмотренный в их предшествовавших соглашениях»), начиная с Лозанны или по крайней мере с Женевы (30 сентября 1924 года) роль третейского суда брала на себя Лига Наций или Совет Лиги Наций (кстати, это считалось возможным в 12-й статье). А Постоянная Палата Международного Суда (согласно 14-й статье) ведала всеми спорами «международного характера» и была правомочна «давать также консультативные заключения по всем спорам и по всем вопросам», которые были бы «внесены в нес Советом или Собранием».

Турция не могла использовать также тот аргумент, что третейскому разбирательству подлежит лишь ограниченное число вопросов, что Мосульский вопрос не входит в их число, основываясь на ту часть 13-й статьи, которая гласила: «Объявляются принадлежащими к числу вопросов вообще подлежащих третейскому разрешению, споры, которые относятся к толкованию какого-либо договора, ко всякому вопросу международного права, к наличию всякого факта, который, будучи установлен, составил бы нарушение международного обязательства, или к объему и способу возмещения, следуемого за такое нарушение». Во-первых, эта часть 13-й статьи Англия могла бы трактовать так, чтобы Мосульский вопрос входил бы в число вопросов, подлежащих третейскому разбирательству. А во-вторых, была 15-я статья, в которой как бы предусматривается этот вариант: «Если между членами Лиги возникает спор, могущий повлечь за собой разрыв, и если этот спор не бу-

дет подвергнут третьейскому разбирательству, предусмотренному в статье 13, то члены Лиги соглашаются представить его Совету. Для этого достаточно, чтобы один из них указал на этот спор Генеральному секретарю, который принимает меры для полного расследования и рассмотрения». Турция не могла также, не приняв решения Лиги Наций, прибегать к войне, так как опять к ней была бы применима 16-я статья.

Казалось, у Турции был выход: отказаться от своих прежних заверений и обязательств, в которых она принимала на себя обязательства члена Лиги Наций, но и не прибегнуть к войне. Ведь 17-я статья гласила лишь, что «если приглашенное государство, отказываясь принять на себя обязанности члена Лиги, в целях урегулирования спора прибегнет к войне против члена Лиги, то к нему применимо постановление статьи 16».

Но и в этом случае Лига Наций могла не принять в расчет отсутствие новых заверений Турции или отказ последней от своих прежних обязательств в вопросе третьейского разбирательства, «напомнить» последней, что она дважды признавала право Лиги Наций на третейское разбирательство, тем самым приняв на себя обязанности члена Лиги Наций, либо заставить Турцию посчитаться с решением Лиги Наций и принять его, либо принимать меры для реализации своего решения. Ведь статья 13-я гласила: «Члены Лиги обязуются выполнять добросовестно вынесенные решения и не прибегать к войне против члена Лиги, который будет с ними соотноситься. В случае невыполнения решения Совет предлагает меры, которые должны обеспечить действие решения». В любом случае у Совета Лиги Наций были широкие права и даже право применения «статей 12-16 с соблюдением изменений, сочтенных Советом необходимыми». И еще вопрос, как бы расценил Совет Лиги Наций сам факт игнорирования своего решения. Сотрудник МИД Британии С. Арст в своем меморандуме от 26 ноября на имя О. Чемберлена развивал мысль, что 13-я статья вполне была применима, но до Гаагского решения, что если турки откажутся принять решение Совета Лиги Наций, но и не прибегнут к военным действиям, то Совет мог бы только применить мирный нажим на Турцию, чтобы заставить последнюю подчиниться. Арст, однако, считал, что если бы Британия смогла уговорить или заставить всех членов Совета применить такой мирный нажим, то он был бы вполне эффективным⁴⁴. В своем меморандуме Лорд Сесиль также считал, что британ-

ские дипломаты не рассчитали варианта, когда Турция игнорирует решение Совета Лиги Наций, но и не прибегает к военным действиям, и подобно Арсту считал, что «при данных обстоятельствах» не считает возможным обратиться к Лиге с призывом «осуществить решение Совета о Мосуле»⁴⁵. Но Чемберлен придерживался другого мнения. Он писал: «Думаю, что я и он в идеальном согласии в вопросе, касающемся варианта, что будет, если непокорный X (Турция.—В. П.) прибегнет к нападению.

Но неужели вы согласны, что в случае, если после принятия заблаговременно решения Совета X (Турция.—В. П.) откажется его осуществить, без нападения, то Совет будет осужден на импотенцию. Может ли он (Совет.—В. П.), не имея ничего, лишь спросить: «Вы свой большой палец направили на меня, сэръ?»⁴⁶.

Следовательно, на наш взгляд, дипломатические ошибки турецкой стороны не предрешили исход мосульского конфликта, а лишь ускорили ее уступку в этом вопросе.

Интересно то, что сразу же после уступки Мосула, уже 9 июня 1926 года, как сообщал Р. Линдсей Остину Чемберлену, турецкая сторона, в частности, Тевфик Рундид-бей и премьер-министр Исмет-паша дали понять, что Великобритания должна сдержать свое слово и что Турция должна иметь постоянное место в Совете Лиги Наций, то есть стать постоянным членом Совета Лиги Наций⁴⁷. Однако Британия прибегнула к дипломатической уловке. Для того, чтобы отложить осуществление своих обещаний, Англия вначале (осенью 1926 года) вместо Р. Линдсея своим послом в Турции назначила сэра Г. Клерка⁴⁸. Таким образом, турецкая сторона лишилась Р. Линдсея, человека, из уст которого она услышала британские обещания. Затем Остин Чемберлен, принимая турецкого посла в Бухаресте (Румыния) Гусейна Рагиб-бея, который находился в Женеве для ведения переговоров, дал понять последнему, что хотя он и за идею, что Турция должна срочно подать заявление для вступления в Лигу Наций, но что касается постоянного места в Совете Лиги Наций, то он придерживается мнения, что Турция не должна предлагать входа и членства с условиями, а должна подать заявление о приеме Турции в Лигу Наций без предварительных условий. В противном случае было бы дано начало плохой традиции и далеко идущему прецеденту, так как Германия, Бразилия и Испания также выдвинули предварительные требования. Кроме того, отмечал О. Чемберлен, уже решено, что второе место в Совете Лиги Наций будет предоставлено одной

из азиатских стран и претендуют на это место Китай, Индия, Персия, Сиам и Турция, если последняя станет членом Лиги Наций. Чемберлен давал также надежду, что, исходя из хаотического положения в Китае, Великобритания поддержит кандидатуру Турции. Но в любом случае Турция может быть избрана и получить место в Совете Лиги Наций на короткий срок. Одновременно Великобритания в лице Чемберлена дала первый урок туркам — не создавать конфликтных ситуаций с Францией, если Турция действительно хочет стать членом Лиги Наций⁴⁹. Однако, как выяснилось, Турция не только не станет постоянным членом Совета Лиги Наций, но и вплоть до 1932 года не станет и членом Лиги Наций. Турция была обманута и побеждена.

Турция лишилась Мосула. Но она не отреклась от своих ожиданий и надежд, связанных с Мосулом. Для этого у Турции были причины, так как были и планы. Бывший министр иностранных дел Турции Тевфик Рюшту (Рушди) Арас (после 1934 года Тевфик Рюшту (Рушди) Арас) во время своей беседы с доктором Омером Кюркчюоглу, имевшей место в 1970 году, внес ясность в этом вопросе, отметив следующее: «Оставив Мосул Ираку, Турция стремилась улучшить свои отношения с Англией и устранить атмосферу тревоги и сомнения с другими странами, стоявшими перед ней, так и оставив Мосул Ираку, и оставив довольной эту страну, Турция была намерена в будущем составить с ней (с Ираком.—В. П.) конфедерацию. Но те должностные лица, которые в будущем должны были осуществить это дело в Ираке, подверглись покушению»⁵⁰. Иракские деятели усмотрели в этих стремлениях Турции злой умысел.

Много патетических фраз было сказано кемалистами по поводу капитуляции Турции перед Англией в Мосульском вопросе. Турецкая пресса, в частности, писала: «Мосул отныне является тем же, чем была Эльзас-Лотарингия для Франции и, выражаясь словами Гамбетты, мы тоже скажем: «Не будем говорить о Мосуле, но будем помнить о нем!»... Мосульский вопрос еще долго будет кровоточащей раной в сердцах турецких патриотов»⁵¹. Но, как пишет И. А. Михаленок, «к осени 1929 г. «кровотокающая рана», однако, настолько зажила, что турецкие Гамбетты с восторгом приветствовали визит английской средиземноморской эскадры в Стамбул, и сам Кемаль-паша нашел вполне своевременным и уместным принять в Анкаре «ангела мира, восседающего на дулах судовых орудий»,—комман-

дующего эскадрой адмирала Фильда. Вскоре после этого последовал радушный прием и ряда других «гостей»—бывшего английского верховного комиссара в Египте лорда Ллойда, верховного английского комиссара в Ираке Хемфриса и т. д. Почувствовав, что обида за Мосул у турок улеглась, будучи заслоненной более актуальными проблемами, англичане от политики преднамеренной сдержанности в отношении Турции перешли к более активной политике⁵². Этому способствовал развернувшийся в стране процесс вестернизации. Началось и урегулирование иракско-турецких отношений. Еще до обретения Ираком полной независимости и его принятия в Лигу Наций (в 1932 году) в начале июля 1931 года король Ирака Фейсал с премьер-министром Нури-пашой и другими министрами посетил Турцию с официальным визитом по приглашению президента Турции М. Кемалья. В декабре 1931 года премьер-министр Ирака Нури-паша опять посетил Турцию для подписания ряда договоров⁵³.

До второй мировой войны апогеем иракско-турецкого сближения стал Саадабадский пакт 1937 г. и «сотрудничество» двух стран в курдском вопросе. Но так продолжалось недолго. Турция никогда не забывала Мосул. Более того, если раньше в Турции только помнили события 1918—1926 годов, то теперь также в открытую говорят о пей. Таким образом, актуальная проблема Северного Ирака или же тенденция сделать из последнего проблему—то забытый Мосульский вопрос. Что ее ждет впереди—неясно. Но то, что будет завтра, обсуждается и готовится в дипломатических кругах сильных мира сего уже сегодня.

VAHRAM PETROSYAN

THE CAUSES OF THE DEFEAT OF TURKEY IN THE MOSUL QUESTION

The Mosul conflict (1918—1926) was one of the first considerable territorial and oil conflicts of the post-war world. The origins of the conflict we can find as far as in the 19th century, which then culminated into international conflict. There was a real struggle for the Mosul vilayet (Northern Iraq) of the Ottoman Empire, in which were involved on the one hand Great Britain on the other hand Germany, Russia, France, Belgium, Netherlands (Holland) and the USA. Some rivals of Great

Britain vanished during the first World War (Russia) or as a result of that war (Germany), with the others the Great Britain came to an agreement. But England wasn't beyond competition in the Mosul vilayet (province). The Anglo-Turkish struggle for the Mosul vilayet (1918—1926) was the hardest one for Britain.

The main peoples of the occupied Iraq (Arabs, Kurds, Assyrians and Turkomans) were involved in Mosul conflict (Kurds formed large minority in the Mosul vilayet). From the geographical point of view the Vilayet of Mosul infringed upon Turkey's and Iraq's neighbors (Soviet Russia—Soviet Union, Iran) interests. But taken viewed as a whole the latter maintained neutrality with respect to the above-mentioned conflict.

During the Anglo-Turkish struggle for Mosul the Turkish side pointed out that Mosul had been occupied (in November 1918) after the signature of the Mudros Armistice and was therefore an infringement of the spirit of the document, the status quo at the time of signature had not been preserved. At the same time the British side pointed out that Article 7 of the Mudros Armistice (signed on 30th of October, 1918) gave the Entente the right to occupy any strategic part of the Ottoman Empire in the event of situation arising which affected their security. At the Lausanne Conference in 1922-23 Turkey claimed the Mosul vilayet (province), which was already incorporated de facto into the territory of the projected mandate for Iraq. But under the terms of Treaty of Lausanne (Article 3(2)), signed on the 24th July 1923 the frontier between Turkey and Iraq was to be fixed by the «friendly arrangement» between Turkey and Great Britain. At the same time the parties were given nine months to settle the Mosul dispute by friendly arrangement between themselves. The League appointed an investigate commission whose recommendation that Iraq should retain Mosul the Council endorsed on 16 December 1925. The Ankara regime reluctantly assented to the decision in the Frontier Treaty: The United Kingdom and Iraq and Turkey, signed on 5th June, 1926.

Each of the high Contracting Parties accepted as definitive and inviolable the frontier line fixed by article 1 undertaken to make no attempt to alter it. At the same time the Treaty included article 14 as a sop to wounded nationalist sensitivities in Turkey, according to which the Iraq Government should pay to the Turkish Government for a period of twenty-five years from the coming into force of the above-mentioned Treaty 10 percent of all royalties which it should receive.

In present article we intend to discuss the reasons which led the ship of the Turkish diplomacy to the harbour of a loss.

We discuss the causes and reasons of Turkish defeat from the historical, diplomatic and especially juridical points of view. The author comes to the conclusion that the main part of these causes and reasons didn't decided the issue of the question beforehand, but only precipitated the defeat of Turkey in the Mosul question. At the same time the author comes to the conclusion that the problems which are arising from the situation in Northern Iraq, or the attempts to make a problem from the latter, found their origins in the same, forgotten Mosul conflict. The scenario is different, but the players of the leading part are the same.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Fazıl Demirci. Irak Türklerinin Dünü-Bugünü. Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara, 1991.

² Кемаль Ататюрк. Избранные речи и выступления. Под редакцией А. Ф. Миллера, М.: Прогресс, 1966, с. 430.

³ C. J. Edmonds. Kurds, Turks and Arabs, Politics, Travel and Research in North Eastern Iraq 1919—1925. London, 1957, p. 7—12.

⁴ См.: А. М. Ментешавили. Ирак в годы английского мандата. М., 1969, с. 150. См. также карту, приложенную к «Statesman Year Book» 1927 и к книге проф. И. Г. Корсуна Ирак. М., 1928. Из этого «усматривается, что на следующий день по заключении соглашения об этом (Мудросском.—В. П.) перемирии британские передовые отряды находились еще в 50 км к югу от Мосула. Там же, с. 36.

⁵ В Му:росском перемирии указывалось (ст. 7), что союзникам предоставляется право оккупации стратегических пунктов в том случае, если возникнет положение, угрожающее их безопасности. См.: Дж. С. Киракосян и Р. Г. Саакян. Армения в документах Международной дипломатии и советской внешней политики (1828—1923). Сборник документов на арм. яз. Ереван, 1972, с. 537—539.

⁶ А. М. Ментешавили. Указ. соч., с. 149.

⁷ Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне (полный перевод с французского текста). М.: Литиздат НКВД, 1927, с. 24—25.

⁸ Новейшая история арабских стран (1917—1966). М., 1968, с. 162—163; J. C. Hurewitz. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914—1956, v. 2, New York, 1956, p. 143, doc. № 46; Н. О. Оганесян. Борьба демократических сил Ирака за ликвидацию английского мандата (1920—1932).—В сб.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Т. 3, Арабские страны. Ереван, 1967, с. 17—18.

Н. О. Оганесян. Национально-освободительное движение в Ираке (1917—1958). Ереван, 1976, с. 95—96.

¹⁰ Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927, с. 5.

¹¹ В. С. Петросян. Мосульский вопрос на Лозаннской конференции. В сб.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. т. 16. Ереван, 1996, с. 41—65.

¹² H. Bülent Demirbas. Musul Kerkük Olayı ve Osmanlı Devleti'nde Kuveyt Sorunu, İstanbul, s. 90.

¹³ В. С. Петросян. Ассирийский вопрос и Мосульская проблема (тезисы докладов XVII научной конференции). Ереван, 1996.

¹⁴ DBFP, Series 1A, V. 1. pp. 787—788.

¹⁵ В. М. Алексеев, М. А. Керимов. Внешняя политика Турции. М., 1961, с. 20.

¹⁶ DBFP, Series 1A, V. 1. Doc. № 549 Sir W. Tyrrel to Sir R. Lindsay (Constantinople). Foreign Office, December 19, 1925, p. 791, Ibid, Doc. № 581 Sir R. Lindsay (Angora) to Sir A. Chamberlain Angora, April 23, 1926, pp. 836—837. Ibid, p. 795, Doc. № 553 Sir R. Lindsay to Sir A. Chamberlain, 30 December, 1925.

¹⁷ М. А. Гасратян. Курдское восстание 1925 года (Восстание шейха Сауда). В сб.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока, т. 13. Курдоведение, Ереван, 1985, с. 40—67.

¹⁸ В. М. Дическул. Англо-турецкие отношения в 1923—1926 гг. Автореферат на соискание ученой степени к. и. п., М., 1983, с. 11.

¹⁹ А. Ф. Миллер. Очерки новейшей истории Турции. М—Л., 1948. с. 152—153.

²⁰ DBFP, Series 1A, V. 1, pp. 797—798.

²¹ Abid A. Al-Marayati. A diplomatic History of Modern Iraq. New York, 1961, p. 651.

²² Ömer Kürkcüoğlu. Türk-İngiliz İlişkireli (1919—1926), Ankara, 1978.

²³ Mim Kemal Öke. The Turkish War of Independence and the Independence Struggle of the South Asian Muslims (1919—1924). Ankara, 1991, p. 174.

²⁴ Quotation according to Mim Kemal Öke, op. cit., p. 174.

²⁵ Ömer Kürkcüoğlu, aynı eser, ss. 309—310, Mim Kemal Öke, op. cit., p. 175.

²⁶ Ömer Kürkcüoğlu, aynı eser, s. 306, Mim Kemal Öke, op. cit., p. 175.

²⁷ Mim Kemal Öke, op. cit., p. 178.

²⁸ Abid A. Al-Marayati, op. cit., p.

²⁹ Mim Kemal Öke, op. cit., p. 179. ;

³⁰ See Syed Sharifuddin Pirzada (ed). Foundation of Pakistan. All-India Muslim League Documents, 1906—1947, vol. 2, Karachi, 1970, pp. 39, 71. Quotation according to Mim Kemal Öke, op. cit., p. 183.

³¹ Mim Kemal Öke, op. cit., p. 178.

³² Ömer Kürkcüoğlu, aynı eser, s. 808. Мим Kemal Öке, op. cit., p. 176.

³³ Aynı eser, s. 397, Ibid. p. 176.

³⁴ C. J. Edmonds, op. cit., pp. 395—416. Question of the Frontier between Turkey and Iraq. Report submitted to the Council by the Commission instituted by the Council Resolution of September 30 th. 1924 (The Report dated July 16. 1925. См. также: Б. М. Подхверия. Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М., 1992, с. 112—120.

³⁵ Ömer Kürkcüoğlu, aynı eser, s. 299. Эрюссельская Линия почти полностью совпадала с административной границей между вилайетами Хаккьяри и Мосула.

³⁶ Версальский мирный договор. Под редакцией В. Ключникова и Андрея Сабанина. М., 1925, с. 7—16.

³⁷ League of Nations Official Journal, February, 1926, pp. 124—126.

³⁸ DBFP, Series 1A, Vol. 1, pp. 792—793.

³⁹ Ibid., p. 793.

⁴⁰ C. J. Edmonds, op. cit., pp. 389—390.

⁴¹ Ibid., p. 388.

⁴² DBFP, Series 1A, Vol. 1, Doc. № 545, pp. 786.

⁴³ Ю. В. Ключников и А. Сабанин. Версальский мирный договор (полный перевод с французского подлинника). М., 1925, с. 10—12.

⁴⁴ DBFP, Series 1A, Vol. 1, Doc. № 543. Memorandum by Sir C. Hurst. Foreign Office, November 26, 1925. Memorandum regarding legal position in the event of Turkey's not complying with a decision of Council of League of Nations regarding Frontier with Iraq. P. 783.

⁴⁵ Ibid, p. 783 footnote.

⁴⁶ DBFP, Series 1A, Vol. 1, Doc. № 534, pp. 733—765. Memorandum respecting the Iraq Frontier Dispute. Foreign Office, October 23, 1925.

⁴⁷ DBFP, 1919—1939, Series 1A, Vol. 2 (1926—1927), London, 1969, Doc. № 439. Sir R. Lindsay (Constantinople) to Sir A. Chamberlain. Constantinople, June 9, 1926, p. 803—804.

⁴⁸ До прибытия сэра Г. Клерка (ноябрь 1926 г.) обязанности посла Великобритании в Турции исполнял Хоур (сентябрь-октябрь 1926 г.).

⁴⁹ DBFP, Series 1A, Vol. 2, Doc. № 446 Sir A. Chamberlain (Geneva) to Mr. Hoare (Constantinople). Geneva. September 14, 1926.

⁵⁰ H. Bülent Demirdas, Musul Kerkük Olayı ve Osınanlı İmparatorluğunda Kuvvet Meselesi. Arba yayınları 44, Birinci Baskı, İstanbul, 1995, ss. 90—91.

⁵¹ Н. А. Михаленок. Современная Турция. Политико-экономический обзор. М., 1931, с. 270.

⁵² Там же.

⁵³ Report by His Majesty's Government in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on the Administration of Iraq for the Year 1931, p. 29—30.